

Eleonora SKIBA¹

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ ТИПОЛОГИИ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ПОСТМОДЕРНИЗМА

Исследуются изменения в понимании и содержании набора маскулинных и фемининных черт, изменяющихся в современном мире. Рассматриваются 4 этапа научных представлений о гендерной идентичности, ее динамики, «текучести» и «гибкости» ее контента. Основываясь на положении, что гендер вовлекается в фундаментальные, вечно продолжающиеся, процессы создания и концептуализации социальных структур, обосновывается, что договоренность касательно гендерных проявлений играет большую роль в приписывании фемининных и маскулинных характеристик в процессе фундаментализации биологического пола. Принимая дефиницию гендера как социально – культурный конструкт, в ходе исследования выявлено, что социокультурные коды и договоренности, правила, посредством которых общество функционирует, и которые являются конституирующим элементом в это время, определяют размещение этих специфических свойств относительно пола. Эти свойства обеспечивают основание для создания доминирующей гендерной разницы.

Ключевые слова: гендер, гендерная идентичность, постмодернизм, гендерные модели, маскулинность, фемининность, гендерная трансформация

ВВЕДЕНИЕ

Исследователи подчеркивают: в условиях постмодерна проблема трансформации идентичности становится одной из наиболее актуальных. Две ключевые темы проходят через постмодерн: «Мир никогда уже не будет таким, как прежде» и «Человек в мире никогда уже не будет таким, как прежде». Социальные кризисы определяют личностные кризисы, их возникновение и их. Если как уже выяснено, мир трансформируется, то, что происходит с человеком? Как ему удастся противостоять изменениям, и происходят ли они? Рассматривая категорию «человек», мы подразумеваем целостный набор маскулинных и фемининных черт, и отмечаем серьезные изменения в понимании и содержании этих элементов. В это же время, в конце XXв., в западных социальных и философских школах активно формируется новая парадигма общественного развития, исходящая из приоритета человеческой жизни. Категория гендера – это термин нового демократического общества, но, мы отмечаем, что, вместе с тем, новым тенденциям развития противостоят патриархатные модели идентификации, гендерные стереотипы, в

---

¹ Doc. Eleonora Skiba, Katedra Zarządzania Sferą Produkcyjnej Narodowego Uniwersytetu Górniczego w Dniepropietrowsku, Ukraina, tel. +380 (562) 46-99-36, e-mail: Eleonora.Skiba@mail.ru,

основе которых лежат давно устоявшиеся представления о ролевых функциях мужчины и женщины, дополняемые специфическими особенностями женственности и мужественности, заимствованными из пространства гендерных идеологий и национального дискурса.

ВОПРОСЫ «ТЕКУЧЕСТИ» ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

На наш взгляд, женщина в постсовременной культуре, несомненно, несет на себе особо тяжелый груз противоречивых социальных и психологических долженствований. С одной стороны, она должна соответствовать вызовам постмодернистского общества, чтобы поддерживать свой социальный престиж, выступая в роли модели, образца, созданного постмодернистским дискурсом, а, с другой, – сохранять основные традиционные характеристики женственности, относящиеся, прежде всего, к материнству, которые общество по-прежнему стереотипно ценит в женщине превыше всего.

Анализируя проблему мужской идентичности в постсовременном мире, ученые, как правило, фокусируют внимание на очевидном факте социального давления, заставляющего мужчину соответствовать принятым в обществе атрибутам мужественности, которые всегда были условными и часто проецировались в прошлое. Исследователи утверждают, что «престижная» маскулинность характеризует лишь мужчин, стоящих на вершине гендерной иерархии, и ее признаки, несмотря на стереотипы мужественности, исторически. Ситуация с женской идентичностью тоже подвержена «текучести».

Переход в Украине к рыночной экономике сопровождался, с одной стороны, свертыванием социальных программ, затрагивающих в большей степени женщин, а, с другой, – продуцировал повышение требований к рабочей силе в контексте инновационного развития современных технологий. В результате значение репродуктивной, воспроизводственной в широком смысле слова деятельности женщин возрастает, а продуктивной (общественное производство) снижается. Женщина многое потеряла в своей конкурентоспособности еще и потому, что ее рабочая сила осложнена социальными льготами, т.н. «позитивной дискриминацией». В это же время в Украине, как и во всех развитых странах, возникает и все более укрепляется постсовременная супружеская модель семьи, которая отличается эгалитарными супружескими отношениями. В первую очередь это касается изменений в положении женщины, стремящейся иметь устойчивый экономический суверенитет. В современных условиях женщина стремится, прежде всего, к получению квалификации и профессии, востребованной на рынке. Как результат – существенно возросло количество гражданских браков, в которых женщина, с одной стороны, не стремится к «штампу в паспорте», а, с другой, – не торопится обзаводиться детьми. Отсюда, возможно, следует поворот некоторых социальных акторов к активной пропаганде патриархатных представлений о ролевых функциях мужчины и женщины.

Ученые доказывают: в постсовременном обществе сохраняется матрица в основном неартикулированных бессознательных убеждений в отношении гендерных различий. Эти убеждения формируют гендерные модели, схемы и стереотипы, которые оказывают влияние на оценку поведения и всех видов деятельности мужчин и женщин в их профессиональной и личной жизни. Таким образом, конструируются многие сознательно неконтролируемые предубеждения в

отношении гендерных различий: гендерные стереотипы основаны на содержащихся в воображении человека чертах мужественности и женственности. В этой связи уместно заметить, что «женщина» – это архетипическое представление, некий идеальный тип, сложившийся в литературе и изобразительном искусстве в течение веков. При этом идеальный тип женщины создавался в культуре мужчинами. Но в действительности, как было замечено многими исследователями, его не существует, поскольку все женщины разные. В своей работе «Второй пол» С. де Бовуар представила классический анализ расхождения между реальностью живых женщин и неким идеалом «женщины». Этот идеал, утверждает С. де Бовуар, представляет собой мужской миф о природе женственности. Более того, если поведение женщины в чем-то этому мифу противоречит, то вместо того, чтобы признать «женственность» отвлеченной категорией и признать валидность вариантности, женщину объявляют «неженственной»². Также важно, что в каждый исторический период происходит смена идеала женственности. Понять смену этих представлений можно только с помощью историко-культурных исследований. Гендерные стереотипы, – как и гендерные схемы, – страдают упрощенностью, в то же время ученые не оспаривают, что проблема гендерных стереотипов напрямую связана с проблемой идентификации как самоотождествления субъекта со стереотипным вымышленным персонажем на основе его веры в реальность иллюзии того или иного гендерного стереотипа. В настоящее время обращает на себя внимание определенное расширение атрибутов женской гендерной идентификации. Образ престижной и успешной женщины в постмодернистской культуре стал включать, например, раскрепощенность и сексуальную активность. Идеал «настоящего мужчины» теперь окончательно утратил свою монолитность, а некоторые его компоненты, например, агрессивность, ранее считавшиеся положительными, стали проблематичными и дисфункциональными.

Прежде, чем перейти к анализу трансформаций гендерной идентичности, следует, еще раз обратиться к дефинициям. Мы отталкиваемся от классического определения идентичности как базовой структуры, которая характеризует восприятие личностью собственной целостности, уникальности и неповторимости. При этом под маскулинностью и фемининностью понимаются набор психологических и поведенческих свойств и качеств, ожидаемых от мужчин или женщин в конкретном социально-историческом контексте³.

Поскольку половая/ сексуальная идентичность в исследованиях последних лет определяется не столько биологическими, сколько культурными, социальными и психологическими факторами, которые в условиях постмодерна приобретают во многом определяющее значение в формировании изучаемого феномена, поэтому гендерная идентичность рассматривается многими учеными как синоним половой идентичности. При этом речь, несомненно, следует вести о категориальном различии между гендером и полом. Половая принадлежность, рассматриваемая как гендер, подразумевает совокупность социально сконструированных смыслов, организованных вокруг границы приписываемого пола. Ученые подчеркивают: половая принадлежность наряду с делением по возрасту является единственной

² S. de Beauvoir, *The Second Sex*. – New York: Penguin, 1972, с.185.

³ С. Бем, *Линзы гендера. Трансформация взглядов на проблему неравенства полов*. – М.: РОССПЭН, 2004, с. 136.

категорией, свойственной каждой культуре. То, что половая идентичность имеет биологическую основу, – несомненно, но последнее совсем не означает, что гендерная принадлежность является исключительно биологически заданной в соответствии с нашим биологическим устройством. Пол (sex), действительно, является биологическим, поскольку он заложен в ДНК человека. Что касается гендерной идентичности, то она представляет собой культурный конструкт, социально сконструированную совокупность убеждений, ожиданий и норм, различающихся в зависимости от принадлежности к определяемой полом группе.

Бытующие в каждой культуре или субкультуре убеждения о биологической обусловленности определенной гендерной характеристики, безусловно, являются глубинной частью «нарратива истины», принадлежащей этой культуре. Но в разных культурах эти истины значительно различаются и с течением времени существенно меняются в пределах одной и той же культуры.

В гендерной психологии «личность» рассматривается, в целом, как синоним гендерной идентичности, означая и отождествление себя с определенным полом, и отношение к себе как к представителю определенного пола, и освоение соответствующих ему форм поведения, и формирование личностных характеристик. Благодаря именно гендерной идентичности у человека возникает целостное представление о себе.

ВОПРОСЫ ТЕРМИНОЛОГИИ

В связи с фундаментальной разработанностью проблемы личности в англоязычной литературе следует, как представляется, остановиться на некоторых вопросах перевода. В английском языке «person» и «personality» разграничиваются прежде всего семантически: «person» – человек как индивид с его/ее отличительными характеристиками; «personality» – характеристики и качества человека (person), обозреваемые в целом. Следует заметить, что «persona» по-английски – это термин психологии, обозначающий характер человека (person) в его презентации другим людям, а также то, как другие люди понимают этот характер. Различия между «person» и «personality» столь значительны концептуально, что они имеют разную сочетаемость с глаголами: person – to be (быть), personality – to have (иметь).

Интересным примером в этой связи является перевод названия известной книги Камиллы Палья «Sexual Personae» как «Сексуальные личности» или «Сексуальные персонажи». В рецензиях «ИЛ» (1993, №7; 1996, №10) данное название работы Палья переводится как «Пол и личность» и «Сексуальные маски».

«Я», предназначенное для фиксации ментальной репрезентации личности, ее самосознания, ее представления о себе, в англоязычной литературе – «self». В переводных изданиях последних лет наблюдаются две тенденции: вовсе не переводить «self» («self в социальном поле») или давать кальку этого слова («перенасыщенность эльфа современной женщины»). Некоторые лингвисты предлагают переводить «self» как «Я», что, представляется, не совсем адекватно. Self – это скорее «личность»: собственная натура человека, особые качества и т.д., «personality». На наш взгляд, в философском или историко-культурном контексте «self» можно переводить как «самость», хотя точнее «самость» – это «selfhood». В общепсихологическом смысле «Я» представляется вполне адекватным переводом «self», а в той психоаналитической литературе, где подчеркивается динамическая,

«процессуальная» природа «Я», это слово следует давать в оригинале («природа self»).

Появление дискурса гендерной идентичности во многом связано, как известно, с работами Э. Эриксона. Классическое исследование Эриксона «Детство и общество», посвященное воспроизведению определенных типов личности посредством практики воспитания, создает яркую картину того, как благодаря способам обращения и взаимодействия человека, ухаживающего за младенцем, в общих чертах и ожиданиях определяется формирование и раскрытие основных ценностей «темперамента», таких как агрессивность, чувствительность, выносливость, склонность к игре, независимость, конкуренция, доверие⁴.

Как отметил более полувека тому назад Э. Эриксон, каждая система имеет свой идеал. Иными словами, любая попытка описания человека обязательно подразумевает наличие в уме исследователя картины того, какие качества и виды деятельности следует признать «полностью человеческими», то есть какой должна быть в полной мере развития личность человека.

Идеалы не задаются раз и навсегда. Например, представление о статусе менялось в прошлом и, конечно, будет меняться в будущем. На протяжении истории немало «типических идей» возводилось в ранг «естественных». К.Маркс указывал, что за распространение идеологии в значительной степени ответственен правящий класс, именно поэтому в патриархальном обществе женщина никогда не будет в «политическом центре». Особенность идеологических утверждений состоит в том, что без развитого политического чутья их очень трудно распознать. Однако нарождающаяся «политическая идентичность» женщин отбрасывает условности и традицию, не смущаясь того, что идет против общепринятого, возведенного политикой власти в ранг «естественного». Именно поэтому изменение статуса женщины в западном обществе на протяжении второй половины XX века, вероятно, есть самый яркий показатель происходящих перемен. Представительницы «второго пола», ощутив себя вправе требовать иного положения вещей, проявили политическую и идеологическую активность, тем самым, вынудили науку исследовать, как именно рождается гендерное сознание, как именно формируется гендерная идентичность.

Гендерная идеология имеет два аспекта: общий и специфический. Интерпретация частной репрезентации гендера должна основываться на том, является ли гендер (сам по себе) тем, что репрезентируется в общем смысле, или же некоторые особые аспекты гендерных отношений находятся в поле анализа в специфическом ракурсе. В последнем случае, полагает А.Шлегель, женщины и мужчины могут репрезентировать самих себя, но могут также обозначать другие принципиальные вещи, становясь метафорами социальных отношений в большом масштабе. То, как индивид интерпретирует ту или иную особую репрезентацию гендера, зависит от понимания того, как эта репрезентация, выражение отношения или веры, мифические образы и т.п., соотносится со сложной схемой отношений в «социальной вселенной двух полов»⁵.

⁴ E. Erikson, *Childhood and Society*. – New York: Norton and Company, 1993, с. 245.

⁵ A. Schlegel, *Gender Meanings: General and Specific. Beyond the Second Sex. New Directions in the Anthropology of Gender*. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1990, с. 21-42.

С последним связан один из ключевых вопросов, которые ставят исследователи: принимая как должное тот факт, что большинство обществ полагает, что «быть женщиной» это означает обладать экзистенциальной идентичностью с набором имманентных черт, но в таком случае, сразу возникает принципиальный вопрос: сколько таких имманентных черт существует и каков их набор? Таким образом, проблема женских ролей не в том, признает ли общество женщин в качестве отличных от мужчин субъектов (что, несомненно, так), но в том, как общество организует все «другое» вокруг этих различий⁶.

Два фактора привлекают внимание ученых: удивительно большое количество имманентных черт, ассоциируемых с экзистенциальной идентичностью западной женщины, и утонченно низкая, подчиненная характеристика самой экзистенциальной идентичности западной женщины, то, что Б. Фридан удивительно точно назвала «загадкой женственности. В дополнение к роли «вынашивающей ребенка» женская идентичность стала включать многочисленные имманентные черты, воплощающие множественную ответственность. Это воспитание, социализация, образование детей в обществе, где «правильная» социализация полагается определяющей в будущем успехе ребенка. Это роль, обеспечивающая физическую и психологическую комфортность домашней обстановки для мужа. Это управление социальной жизнью семьи как единицы общества. Это домашнее хозяйство, которое переходит в более неуловимое «создание домашнего очага». Это обязанность представить миру привлекательных и физически окруженных заботой детей, мужа, дом и, что также играет не последнюю роль, – саму себя как важного индикатора состояния и статуса семьи. Но, – что труднее всего, – остается требование представить миру характеристику обязательно обозначенную для фемининности: очарование, послушание, здравомыслие, соблазнительность, контролируемую сексуальность, некую притворную непрактичность в делах, не связанных с домашним хозяйством.

Эти черты, безусловно, вырабатывались постепенно, начиная с начала XIXв., с развитием того, что получило название культа семейной, домашней жизни. С нарастающей интенсивностью идентичность жены-матери стала рассматриваться как имманентная в самой идентичности женщины, хотя, по утверждению ученых, так было не всегда. В XIXв. «старая дева», как и холостяк, вдова, вдовец, были культурно признанными в качестве альтернативной идентичности. Идентичность имела свой кластер интегральных ролей, включая такие роли, как школьная учительница, медсестра, няня, компаньонка. Но в середине XXв. стародевичество и статус холостяка-мужчины перестали восприниматься в качестве равных и зрелых идентичностей «в» и «вне» таковых. Их стали все чаще определять как неполные идентичности, репрезентирующие «незавершенный путь» к зрелой идентичности женатого мужчины или замужней женщины. Трансформации определения способствовала американская поп-культура и, особенно, вульгарные версии фрейдизма, в результате чего стародевичество превратилось из альтернативной идентичности в «идентичность с изъяном», в публичное подтверждение сексуальной и потому экзистенциальной незавершенности. Сами термины старая дева (spinster), холостяк (bachelor), вдова, вдовец стали в какой-то мере «смущать» и

⁶ I. Kopytoff, *Women's Roles and Existential Identities. Beyond the Second Sex*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1996, c.91, c.75-98.

постепенно выходить из общего употребления. Вместо них в английском языке появился гендерно-нейтральный термин «single» – «незамужняя / неженатый». Как результат – современная западная женщина может достичь «нормальной» идентичности только посредством брака со всем бременем громоздкого пакета имманентных ролей. Следовательно, только будучи экзистенциально «завершенной», женщина может обратиться к другим занятиям. Но, как правило, все достаточно реалистично понимают, что очень немногие могут справиться с такой задачей легко. Если же женщине удастся это сделать, тогда ее достижение публично признается с обязательным упоминанием того, что при всех своих иных достижениях она не перестала быть женой и матерью. Этот хвалебный комментарий должен только подчеркнуть редкость подобного успеха в примирении ролевых противоречий. Если же западная женщина захочет отказаться от имманентной роли, доминантный либеральный социальный уклад зачастую делает такой курс поведения идеологически и прагматически трудным. Если и существует некоторое пространство для реорганизации ролей, связанных с ведением домашнего хозяйства, то многие другие имманентно женственные роли по своей природе незаменимы (женщина едва ли делегирует кому-то другому психологическую заботу о своем муже). Но самый большой источник трудностей можно увидеть в развитии характерологической модели самой экзистенциальной женственности. Существование этой модели на Западе само по себе является частью развития индивидуализма и той идеи, что знание «внутренней сердцевины» людей дает в результате наилучшее понимание людей. Внутренняя, интернальная, перспектива ведет в свою очередь к более утонченным характерологическим формулировкам экзистенциальных социальных идентичностей, чего бы это ни касалось: гендера, расы или этничности.

Вопрос еще более усложняется различием взглядов на взаимоотношения между природным и культурным. В трактовке Гоббса и Дюркгейма общество – это искусственный культурный конструкт, который преступает пределы природы и часто противоречит ей. С другой стороны, американская антропология, (и, в целом, американская социальная наука) руководствуются идеями Локка, рассматривая общество как естественный феномен, обязанный природным законам. Поэтому для американцев социальные изменения не должны противоречить требованиям «природы». Последнее вызывает особые проблемы в отношении гендерных ролей. Если то, что естественно, – правильно, тогда то, что индивид полагает правильным, должно быть естественным, а то, что кажется неверным, должно быть доказано как неестественное.

Популярное проявление этой системы выглядит следующим образом: когда роль, ранее исполняемая мужчинами, переходит к женщинам (например, роль секретаря или машинистки в начале XXв.), новая реальность оправдывается природным основанием. Ученые подчеркивают: то западное развитие модерна, которое обычно рассматривается как базовый прогрессивный пакет ценностей и добродетелей, представляет собой обоюдоострое оружие при применении его к вопросу о трансформации женских ролей. И. Копытофф утверждает, что эгалитаризм, индивидуализм, личная независимость, отказ эксплуатировать других в целях личного комфорта, необходимость объективной и скорее научной, чем традиционной, основы для социального действия, – даже если все эти ценности будут призваны для нового определения гендерных ролей в эгалитарном

направлении, - сделают попытки введения в поле валидной деятельности новых ролей еще более трудными для обоих полов. Очевидный парадокс приходит на ум: освобождение девушки-прислуги с необходимостью возложит больше рутинной домашней работы на ее хозяйку. Или, например, гуманизм, запрещающий женщинам работать в шахтах может служить моральным и идейным обоснованием идеи о том, что женщины экзистенциально не подходят для выполнения определенного вида мужской работы⁷.

Важным парадоксальным фактором представляется также то, что в западном обществе, обществе, где экзистенциальные социальные различия значительно редуцированы, те различия, которые остаются, (и гендер среди них), будут все более заметны, все более остро действуя на прогрессивную «чувствительность».

В представлениях о гендерной идентичности исследователи выделяют, как правило, четыре этапа (хотя сам термин и появился в 70-х годах, ранее существовали его аналоги: половая идентификация, поло-ролевая идентификация). Первый этап относится к концу XVIII – началу XXв. и отражает те представления, которые сформировались в Просвещении (Ж.Ж. Руссо) и немецкой классической философии (И. Кант) о женщине и идеальной фемининности: женщина должна быть робкой, послушной, заботливой, эмоциональной, томной и т.д. Если застенчивость, стыдливость, скромность, свойственные женщинам, являются приобретением общества, значит, обществу нужно, чтобы женщины приобретали эти способности, пишет Руссо⁸. Природным предназначением женщины, по Канту, является, прежде всего, выполнение функции продолжательницы рода, матери, супруги, зависимого от мужчины существа в обществе. Как отмечается, Кант превратил женщину в чистую стихию пола, рассматривая в то же время мужчину как носителя и выразителя сущностных качеств человека⁹.

Второй этап охватывает период с 20-х до 60-х годов XXв. и, связан, в основном, с деятельностью З. Фрейда и его последователей. В своих работах Фрейд, как известно, изобразил женщин завидующими мужской анатомии (комплекс кастрации) и заключил, что фемининными чертами являются пассивность, зависимость и склонность к подчинению. Мужчин он считал активными и стремящимися к власти, и любое отклонение от этих эталонов полагалось проявлением нездоровой идентичности. В частности, стремление женщин к власти было названо Фрейдом «фаллическим».

Третий этап связан, прежде всего, с именем С. де Бовуар. Именно С. де Бовуар показала в работе «Второй пол», что поскольку мужчина и все мужское понимается как норма, как нечто нейтральное и универсальное, потому гендерная асимметрия, поставив мужчину в центр, в положение абсолюта, вывела женщину, тем самым, на маргинесс. Идеи Бовуар дали толчок целому ряду исследований специфических проблем гендерной философии, в том числе гендерной идентичности. 70-е–80-е годы в западной теории об идентичности связаны, прежде всего, с именем С. Бем, предложившей идею андрогинии, концепцию о совмещении в одной личности как маскулинных, так и фемининных черт. Шкала измерений андрогинии, введенная С.

⁷ *Ibidem*, с. 95.

⁸ Ж. Руссо, *Ж. Письмо к д'Аламберу о зрелищах. Избр. сочинения в 3-х томах.* – Т.1. – М., 1961, с. 136

⁹ И. Кант, *Антропология с прагматической точки зрения. Соч. в 6 т.* – Т.6. – М., 1963, с. 402.

Бем, показала, что маскулинность и фемининность – социальные и исторические структуры, находящиеся в самом дискурсе культуры¹⁰. Последнее позволило С. Бем сформулировать гипотезу о существовании трех типов людей с различной гендерной идентичностью: с преобладанием фемининных характеристик, с преобладанием маскулинных характеристик и «андрогинных», тех, у кого наблюдается баланс маскулинных и фемининных характеристик. При этом наиболее привлекательным ей представлялся третий тип, поскольку андрогинные личности обладают адаптивностью и гибкостью поведения, отличаются творческими наклонностями и т.п. Первые же два типа изображались негибкими, демонстрирующими в своем поведении бытующие в обществе гендерные стереотипы. Исследования С. Бем с тестами на измерение половых ролей доказали, что индивиды могут иметь эти характеристики одновременно. В 90-х годах это утверждение об одновременности было концептуально связано с целым рядом новых направлений применительно к концепции идентичности, включая бисексуальность.

Следует заметить, что впоследствии С. Бем пересмотрела свои взгляды на проблему психологической андрогинии, руководствуясь следующими мыслями. Первое: концепция андрогинии предписывает быть «одновременно и фемининным, и маскулинным». Второе: концепция андрогинии допускает, что фемининность и маскулинность имеют независимую и явную реальность, в не конструируются в процессе гендерной схематизации. Следовательно, акцент на андрогинии делает невозможным понимание того, как гендер организует наше восприятие и нашу социальную жизнь. Исследователи гендера, как правило, единодушны в том, что гендерная идентичность претерпевает значительные изменения в «постсовременных» обществах. Постмодернистская культура несет с собой трансформацию традиционного представления о гендерной идентичности.

ВЫВОДЫ

В настоящее время под влиянием социокультурной трансформации происходит размытие четких контуров традиционной системы гендерного порядка, становится все более очевидной несостоятельность ее основ. Характерной чертой постмодернистского общества является, как уже отмечалось, преобразование представлений о гендерных характеристиках личности. Феномен традиционной гендерной идентичности подвергается в постмодернистской культуре нарастающей атаке. Сильное влияние традиционных гендерных схем, безусловно, остается, однако оно, как представляется, уже не в силах эффективно противостоять воздействиям постмодернистской культуры. Исследователи, таким образом, приходят к заключению, что «этикетирование», обозначение кого-либо мужчиной или женщиной является, скорее всего, «социальным решением».

---

¹⁰ С. Бем, *Линзы гендера. Трансформация взглядов на проблему неравенства полов*. – М.: РОССПЭН, 2004, с. 20.

БИБЛИОГРАФИЯ

- [1] Бем С. *Линзы гендера. Трансформация взглядов на проблему неравенства полов.* – М.: РОССПЭН, 2004.
- [2] Кант И. *Антропология с прагматической точки зрения. Соч. в 6 т.* – Т.6. – М., 1963.
- [3] Руссо Ж.-Ж. *Письмо к д'Аламберу о зрелищах. Избр. сочинения в 3-х томах.* – Т.1. – М., 1961.
- [4] Beauvoir S. de. *The Second Sex.* – New York: Penguin, 1972.
- [5] Erikson E. *Childhood and Society.* – New York: Norton and Company, 1993.
- [6] Kopytoff I. *Women`s Roles and Existential Identities. Beyond the Second Sex.* Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1996.
- [7] Schlegel A. *Gender Meanings: General and Specific. Beyond the Second Sex. New Directions in the Anthropology of Gender.* – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1990.

SHAPING A NEW TYPOLOGY OF GENDER IDENTITY IN POSTMODERN CONDITIONS

This study highlights the transformation processes which occur in our society. It is noted that there is a matrix largely articulated unconscious beliefs about gender differences. These beliefs shape gendered patterns, schemes and stereotypes that impact assessment of behavior of men and women in their professional and personal lives. The deliberately uncontrolled bias against gender differences are constructed: gender stereotypes are based on understanding the masculinity and femininity content being in the imagination of people. The changes in the understanding of the content and a set of masculine and feminine traits in today world are examined. Four stages of scientific understanding of gender identity, its dynamics are investigated. The specificity of «fluidity» and «flexibility» of gender identity's content are analyzed. The category of gender is defined as a social - cultural construct and it is involved in fundamental, ever-ongoing process of creating and conceptualizing social structures. Gender ideology has two aspects: the general and specific. Interpretation of every certain gender representation should be based on whether the gender is represented in a general sense, or these specific aspects of gender relations are analyzed in a particular perspective. In the latter case, believes A. Schlegel, women and men can represent themselves, but may also represent other principal ideas, and, in this case, they become a metaphor of social relationships on a large scale. How an individual interprets the particular representation of the particular gender, depends on an understanding of how this representation, the expression of attitudes or belief, mythical characters refers to a complex scheme of relations in "the social universe of the two sexes." The article stresses that the agreement regarding gender presentations plays an important role in attributing masculine and feminine characteristics in the process of fundamental nature of biological sex. The research points out that the socio-cultural codes and agreements, the rules by which society functions, and which are constitutive elements - all of them - predetermine the placement of these specific properties with regard to gender. These properties provide the basis for the creation of the dominant gender difference.

Transformation of gender identity is associated with the realization of gender as a powerful ideological tool that produces, reproduces and legitimizes both the multiplicity of choice, sex-related, and its borders. The powerful influence of traditional gender patterns remains, but it is no longer able to effectively counter the «flexibility» of gender. New content discussions about gender identity (transgender identity) is based on increasing the

understanding of the psychological, social and cultural factors which have decisive importance in the formation of the phenomenon.

Keywords: gender, gender identity, postmodernism, gender model, masculinity, femininity, gender's transformation.

KSZTAŁTOWANIE NOWEJ TYPOLOGII TOŻSAMOŚCI GENDER W WARUNKACH POSTMODERNIZMU

W artykule przeanalizowano procesy transformacji zachodzące we współczesnym społeczeństwie. Odnotowano, że istnieje macierz powszechnych i realizowanych na poziomie nieświadomości, przekonań na temat różnic płci. Te przekonania formułują gender-modele, schematy i stereotypy, które wpływają na ocenę zachowania mężczyzn i kobiet w życiu zawodowym i osobistym. Te nieświadome i niekontrolowane uprzedzenia dotyczące różnic płci są uwarunkowane gender-stereotypami, opartymi na zrozumieniu treści kobiecości i męskości, które z kolei są wynikiem społeczno-kulturowych procesów, zachodzących w każdym konkretnym środowisku społecznym, i odzwierciedlają rozumienie kobiecości i męskości w wyobraźni społeczeństwa. Artykuł analizuje zmienność i „płynność” wypełnienia treści samego „zestawu” męskich i żeńskich cech w dzisiejszych szybko zmieniających się warunkach społecznych. Zbadano podstawowe cztery etapy kształtowania naukowego rozumienia gender-tożsamości i jej dynamiki. Naświetlono specyfikę takich ważnych pojęć, jak „płynność” i „elastyczność” gender-tożsamości. Badanie wykazało, że kategoria *gender* jest kategorią społeczną, a zatem definiuje się jako społeczno-kulturowa konstrukcja. Ta konstrukcja, dla pełnego i całkowitego zrozumienia, powinna być zaangażowana w fundamentalny, ciągły proces tworzenia i konceptualizacji struktur społecznych. Gender-ideologia ma dwa aspekty: ogólny i specyficzny. Interpretacja każdego konkretnego gender-performansa powinna bazować się na rozwiązaniu problemu – czy gender jest reprezentowany w szerokim znaczeniu tego słowa, w ujęciu ogólnym, czy konkretne aspekty stosunków międzypłcowych są analizowane w określonej, konkretnej perspektywie. W tym ostatnim przypadku, po myśli naukowców, np. A. Schlegela, kobiety i mężczyźni mogą reprezentować i wyrażać tylko siebie, ale jednocześnie mogą reprezentować inne idee rozpowszechnione w społeczeństwie. W tym przypadku, dane przedstawienia stają się metaforą relacji społecznych na dużą skalę. Sposób, w który indywiduum interpretuje konkretną reprezentację określonej płci, zależy od rozumienia tego, jak dana reprezentacja, wyraz postaw i przekonań, koreluje ze skomplikowanym schematem stosunków w społecznym systemie obu płci. W artykule podkreśla się, że społecznie uwarunkowane i milcząco zalegalizowane „porozumienie w sprawie przedstawienia płci” odgrywa ważną rolę w poleceniu męskich i kobiecych cech w procesie fundamentalizacji natury biologicznej płci. Badania wskazują, że społeczno-kulturowe kody i niejawne „porozumienia”, reguły, na mocy których funkcjonuje społeczeństwo i które stanowią zasadnicze elementy – warunkują rozłokowywanie tych specyficznych właściwości w zależności od „norm przepisanych” danej płci w danym społeczno-kulturowym kontekście. Właściwości te stanowią podstawę do stworzenia dominanty różnic płci. Transformacja tożsamości płciowej jest związana z realizacją płci jako potężnego narzędzia ideologicznego, które produkuje, reprodukuje i legitymizuje tak wielość wyborów przejawów tożsamości płciowej, jak i określa granice tego wyboru. Oczywiście, potężny wpływ tradycyjnych płciowych modeli jest nadal obserwowany w społeczeństwie, ale zapowiedziany przez postmodernizm pluralizm opinii zapewnił legitymność „płynności” i elastyczności płci. Nowa treść dyskusji na temat gender-tożsamości (np. tożsamość transseksualna) jest oparta na bardziej kompletnej i dokładnej znajomości psychologicznych, społecznych i kulturowych czynników, które mają decydujące znaczenie w kształtowaniu tego zjawiska.

Słowa kluczowe: płeć, tożsamość płciowa, postmodernizm, modele płciowe, męskość, kobiecość, transformacja płci.

DOI:10.7862/rz.2013.hss.20

Tekst złożono w redakcji: maj 2013

Przyjęto do druku: wrzesień 2013